

Д.ф.н., проф. М. В. Цветкова,
Нижний Новгород, НГЛУ

«Связь? Нет, разлад».

Семантизирующая функция тире в поэзии Марины Цветаевой

М. Цветаева придает особенную роль знакам препинания, причем почти всегда они играют в ее творчестве семантизирующую роль. Самым любимым авторским знаком Цветаевой стал знак тире. В статье показано, что использование тире служит в поэзии Цветаевой способом изображения характерного для начала прошлого века видения мира, как хаоса, где кажущаяся связь оборачивается разладом, а единство строится на парадоксе. На конкретных примерах демонстрируется, что тире в цветаевских текстах имеет двойной эффект (воплощающий принцип дополнительности): соединяет несоединимое и разъединяет псевдо цельное.

Принципиальную важность пунктуации в своем творчестве Цветаева настойчиво подчеркивала сама: "В моих преткновениях пнях, / Сплошных препинаниях...", – писала она в стихотворении "Что нужно кусту от меня?". Знаки препинания для нее наполнены не меньшим, а подчас и большим смыслом, чем слова. Сохранились многочисленные размышления поэта о возможностях пунктуационной экспрессии и приемах для ее выражения, а также поэтические строчки, приоткрывающие завесу над смыслами, которые Цветаева вкладывала в тот или иной знак препинания. Причем, экспрессивность пунктуации она нередко сознательно усиливала текстовой графикой.

Н. С. Валгина в специальном исследовании, посвященном стилистической роли знаков препинания в поэзии М. Цветаевой, отмечает, что они становятся одним из способов воплощения авторского "я". Причем пристрастие поэта к определенным пунктуационным знакам она предлагает свести к определенной системе, выявляющей основные черты цветаевской поэзии [3. С.58-66]:

1) *"предельная, до отказа уплотненность речи, концентрированность, сгущение смысла до "темноты сжатости", как сама Цветаева называла усложненность поэтического языка"* (с точки зрения вопроса соотношения хаоса и порядка данная характеристика сама по себе любопытна: предельная концентрированность словесного ряда предполагает жесткость организации, упорядоченность; в то же время предельной точкой этой сжатости оказывается «темнота» смысла, порождающая бесконечную возможность различных трактовок текста, хаотичных в своей непредсказуемости);

2) *"взволнованность речи и такая же напряженность, когда стих начинает как бы захлебываться, сбиваться в размер"* (т.е. упорядоченная метрическая схема под влиянием знаков препинания, раскачивающих систему, начинает рассыпаться, становится в известной степени непредсказуемо, хаотической);

3) *"неприкрытая активность художественной формы, ритмики"* (явление в целом характерное для поэзии начала XX века европейской вообще и русской в частности, когда художественная форма, семантизируясь до предела, сама становится генератором смысла).

Любимым знаком препинания стало у Цветаевой тире. "Как на знак тире - / Что на тайный знак - / Брови вздрагивают - / Заподозриваешь?"

И. И. Ковтунова в своей работе о поэтике знаков препинания отмечает, что с семантической точки зрения знак тире неоднозначен. Он может выступать как "семантически соединяющий" и "семантически разъединяющий". В стихотворной речи эти функции действуют на фоне таких дополнительных факторов, как ритм и "единство и теснота звукового ряда", раскачивая жесткость их структурной организации. По мнению И. И. Ковтуновой тире способно противостоять ритмическому членению и "создавать внутренне напряженную и сложным образом уравновешенную ритмическую структуру".

Ясно, что наиболее отчетливо соотношение тире с ритмическим членением высвечивается тогда, когда знак тире не обязателен с точки зрения общепринятых норм пунктуации. Например, в конце строки (которая служит

мощным ритмическим разделителем), тире может становиться сигналом определенной смысловой связи между высказываниями, разделенными концом стихового ряда. И напротив, внутри строки тире играет разделяющую роль. Причем, в необычной синтаксической позиции, тире дает смысловую паузу, обладающую огромными выразительными возможностями.

Е. Айзенштейн приводит в своем исследовании статистические данные частоты употребления того или иного пунктуационного приема в текстах Цветаевой на разных этапах творческого пути. По ее свидетельству нетрадиционное тире во всех сборниках (кроме "Вечернего Альбома" - 71.2%) составляет более 90% случаев.

Тире у Цветаевой встречается при повторе, когда оно разделяет два одинаковых слова (смысл такого повтора – аффективное нарастание, а тире придает повторяющимся словам резко различное эмоциональное звучание).

Нередки случаи, когда тире в цветаевских текстах возникает после точки внутри строки. Точка в стихе, за исключением пауз после переноса, не создает резкого отрывистого стиля. Тире в таком случае выступает как дополнительный разделительный знак, который противостоит тесноте поэтического ряда, раздвигая тесно связанные ритмом слова.

Частотным оказывается, также, грамматически неоправданное тире, разделяющее ряд именных предложений, которое призвано передать восприятие предметов и явлений окружающего мира в момент речи (тенденция, характерная для литературы XX века). "Пауза, обозначенная тире, образно воспроизводит время, в течение которого говорящий переходит от одного впечатления к другому, переводит взгляд с одного предмета на другой" [4.С.335].

Бывают случаи, когда тире у Цветаевой помогают создать эффект, напоминающий быструю смену крупных планов в кинематографе. Как, например, в стихотворении "Поезд жизни": "Площадка. – И шпалы. – И крайний куст / В руке – ...".

Тире Цветаева использует и когда хочет пропустить то, что читатель должен "достроить" сам (напомним, что она считала чтение поэзии не развлечением, а трудом, сотворчеством). И. Бродский замечает, что знак тире служит Цветаевой "...для прыжков через само собой разумеющееся"[2.С.16]. Экономия словесных средств доводит у Цветаевой мысль до высшей степени конденсации. По удачному образному выражению Н. С. Валгиной "Цветаева как бы просеивает слова сквозь сито, в котором остаются только крупные зерна" [3. С.61]. Из-за чрезмерной сжатости изложения мысль автора не всегда легко угадать. В связи с этим особую роль приобретают знаки препинания, которые сами становятся носителями смысла, помогают «нащупать» связи между словами.

Знак тире, как ни один другой знак препинания, способен передать ощущение спонтанной речи, складывающейся на глазах у читателя, слушателя и обычно отличающейся хаотичностью построения. Причем вместе с "неправильностью", "иррегулярностью" грамматических форм, ассоциативными скачками от одной мысли к другой, такое использование тире способствует воспроизведению прихотливого течения "потока сознания" лирического героя стихотворения.

Как и синтаксический перенос тире работает у Цветаевой на создание паузы, усиливает значение слов и активизирует ритм. Дж. Смит обращает внимание на характерное для ее поэзии "эмфатическое тире"[5. С.147], которое используется не столько как пунктуационный знак, сколько как диакритический значок в нотном тексте, и указывает на то, как стихотворение должно быть исполнено вслух.

Это случаи, когда тире стоит перед ударным слогом и явно означает, что предыдущий слог тоже должен быть ударным, то есть "вопреки нормам русской просодии, в одном слове должны быть два ударных слога." [5. С.148] (Именно этот прием обыгрывается в стихотворении "Рас – стояние: версты, мили...".)

То же самое происходит и когда тире появляются у Цветаевой между словами, означая, что предшествующие слова тоже несут на себе ударения. Как, например, в "Поэме Горы": " В жизнь, про которую знаем все мы: / *Сброд – рынок – барак*". (Курсив мой - М.Ц.). Таким образом, при помощи тире Марина Цветаева разрушает интонационную иерархичность на уровне отдельного слова или целого высказывания: в них исчезают главные и второстепенные элементы, что рождает эффект монтажа; упорядоченность уступает место новому типу организации, которая на первый взгляд может восприниматься как хаос.

И. И. Ковтунова, отмечая эмфатическую функцию тире в поэзии Цветаевой, высказывает в своей работе мысль о том, что этот знак препинания имеет непосредственную связь с дыханием: "перерыв в речи, обозначенный тире, способен прямо передавать задержку дыхания, вызванную сильным аффектом, эмоциональным потрясением"[4.С.332]. Способность тире передавать ритм дыхания была подмечена и А.Т.Твардовским. В связи с поэзией М. И. Цветаевой он писал: "Затрудненная, местами как бы пунктирная, где заменой слов являются необыкновенно выразительные тире, стихотворная речь Цветаевой обладает чертами глубокой эмоциональной силы – она, как дыхание, прерывистое, нервное, но живое, а не искусственное"[6. С.35].

Нередко тире в стихах Цветаевой работает на то, чтобы высветить внутреннюю форму слова, вскрыть его этимологию¹:

"Да и в ла –
Зорь!".²

---

¹ На эту особенность тире в поэзии Цветаевой указывают Дж. Смит и А. Ливингстоун. См.: Смит Дж. Взгляд извне. Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С.148 и Livingstone A. Marina Tsvetaeva and Russian Poetry // Melbourne Slavonic Studies. 5-6. 1971. P. 184.

² В то же время, Цветаева широко использует и возможности дефиса. Особенно ярко это отразилось в произведениях, написанных в так называемом "народном стиле": "Мóлодец", "Переулочки", "Царь-Девуца" и лирические стихотворения в основном вошедшие в сборник "Ремесло", где нередко составные неологизмы с использованием дефиса (башковит-красовит, Знобь-Тумановна, К чаше-идешь-причастьицу, Во весь-от-дым "Страсть-дела, жар-дела" и т.п.). Здесь Цветаева использует не столько устойчивые сочетания народно-поэтического характера ("чиста-злата, чиста-сéрербра", "с синя-Дуная"), сколько саму модель эти сочетаний. С одной стороны, это дает эффект стилизации под народную речь. С другой - является подсказкой, что данное словосочетание следует произносить, как единую ритмическую группу, в убыстренном темпе. В то же время,

В таких случаях тире нацелено на то, чтобы «высветить» неожиданные связи в на первый взгляд бессвязном и хаотичном мире. Весьма характерное явление для литературы рубежа XIX – XX веков, с ее магическим отношением к языку.

Случаи, когда тире разрывают слова на слоги встречаются у Цветаевой довольно часто. В эссе "Мать и музыка" она объясняет природу этого приема своим детским восхищением текстами романсов, которые принадлежали дочери ее отца от первого брака – Валерии, и которые напоминали ей книги под видом нот: "Когда я потом, вынужденная необходимостью *своей* (курсив М.Ц.) ритмики, стала разбивать, разрывать слова на слога, путем непривычного в стихах тире, и все меня за это, годами, ругали, а редкие – хвалили (и те и другие за "современность") и я ничего не умела сказать кроме: "так нужно", – я вдруг однажды глазами увидела те, младенчества своего, романсные тексты в сплошных законных тире – и почувствовала себя омытой: всей Музыкой от всякой "современности": омытой, поддержанной, подтвержденной и узаконенной. <...> Но, может быть, прав и Бальмонт, укоризненно-восхищенно говоря мне: "Ты требуешь от стихов того, что может дать – только музыка!" [7.С.21-22]

Тире, как знак паузы, разрыва, оказывается у Цветаевой одним из элементов системы, призванной на разных уровнях выразить одну и ту же идею: отсутствия гармонии в окружающем мире (ту же функцию, которую выполняют у нее эллиптические конструкции, разрывы строчек пополам, синтаксические переносы и "рваный", сбивающийся ритм).

Обостренный интерес к возможностям тире в качестве семантизирующего приема исследователи отмечают не только у Марины Цветаевой, но и у других поэтов конца XIX – начала XX века. И. И. Ковтунова приводит в своей статье примеры из поэзии А. Блока [4.С.331-339], Б. С. Шварцкопф посвящает статью композиционной функции тире в стихах Надсона [8.С.348-352]. Однако, как представляется, именно Цветаева

по наблюдению Е.Айзенштейн, прием "стечения слов" широко применялся Цветаевой для того, чтобы более емко и "многоаспектно охарактеризовать предмет, чувство, явление, действие." [1.С.22]

возвела этот прием во всепроникающий художественный принцип, отразивший характерное для начала прошлого века видение мира, как хаоса, где кажущаяся связь оборачивается разладом, где единство всегда строится на парадоксе. Если систематизировать вышеперечисленные случаи использования тире в ее поэзии можно обнаружить, что оно имеет двойной эффект (воплощающий принцип дополнительности): соединяет несоединимое и разъединяет псевдо цельное.

Библиографический список:

1. Айзенштейн Е. Построен на созвучьях мир... Звуковая стихия М. Цветаевой. СПб., 2000.
2. Бродский И. Предисловие. Поэт и проза // Марина Цветаева Избранное. В двух томах. 1917-1937. N.Y., 1979. Т.1.
3. Валгина Н.С. Стилистическая роль знаков препинания в поэзии Марины Цветаевой // Русская речь. 1978. №6.
4. Ковтунова И.И. Поэтика пунктуации (функции тире) // Язык как творчество. М.,1996.
5. Смит Дж. Взгляд извне. Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
6. Твардовский А.Т. Марина Цветаева "Избранное" // Твардовский А.Т. Собрание сочинений. Т.5. М., 1980.
7. Цветаева Марина Мать и музыка // Собрание сочинений. В 7-и тт. Т.5. Кн.1. М., 1997.
8. Шварцкопф Б.С. О композиционной функции тире в стихах Надсона // Язык как творчество. М.,1996.
9. Livingstone A. Marina Tsvetaeva and Russian Poetry // Melbourne Slavonic Studies. 5-6. 1971.

